

Страсти по Лидии

Публикуется с разрешения автора

Об этой женщине слагали легенды. Когда она, в огненнокрасной тунике, прихотливо задрапированной на плечах, обнажавшей ее прекрасные руки, появлялась в комнате без мебели, с накинутыми на подушки оранжевыми коврами (а именно такой была обстановка знаменитой ивановской "башни" на Таврической, 25, в Петербурге, где собирались близкие к "новым" течениям в искусстве ученые, музыканты, поэты), смолкали готовые вспыхнуть споры, взоры людей жадно обращались к ней, ловя каждое произнесенное ею слово. Она получила имя Диотимы -- божественной в красоте и мудрости женщины из известного диалога Платона "Пир". В кружке мужа -- крупнейшего теоретика и поэта русского символизма Вячеслава Иванова -- играла роль вдохновительницы. Н. Бердяев назвал ее душою, "Психеей" ивановских "сред". "Она не очень много говорила, не давала идейных решений, но создавала атмосферу даровитой женственности, в которой протекало общение"¹, -- писал он. Она была эксцентрична, горда, независима, самолюбива, вызывающе умна. Когда ей казалось, что разговоры на "башне" заходят в тупик, прерывала их веселой шуткой, возвращала присутствующих на землю, сознательно разрушая "призрачно-прозрачную духовность" этих собраний.

Имя этой удивительной женщины Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал (1866--1907). В ее жилах текла кровь "арапа Петра Великого", среди предков были сербы и шведы, родственники принадлежали к сановой знати Петербурга. Художница Маргарита Сабашникова оставила ее словесный портрет: "странно-розовый отлив белокурых волос, яркие белки серых глаз на фоне смуглой кожи. Лицом она походила на Сивиллу Микеланджело -- львиная посадка головы, стройная сильная шея, решимость взгляда; маленькие уши парадоксально увеличивали впечатление этого львиного облика: "Такая любого Диониса швырнет себе под ноги"².

Имя Диониса возникло в памяти мемуаристки не случайно. Ночные бдения, разговоры о литературе и искусстве, которые велись на "башне", ассоциировались в умах современников с дионисийским разгулом и оргиастической раскрепощенностью. Однако, словно предвидя подобную трактовку, В. Иванов в работе "Эллинская религия страдающего бога" писал о "глубоком извращении" смысла слова "оргия" в современном обществе. "Оргиями назывались службы Дионису и Деметре; они имели мистический характер. Оргии -- отличительная особенность Дионисовой религии, из нее перешли в религию Элевсина. Между тем как в других греческих культах община остается пассивной ... в ... дионисийском богослужении все поклонники активно священнодействуют. Такое священнодействие целой общины называлось оргиями, а его участники -- оргеонами ..."³.

Культ Диониса, идеи "живой жизни", плодотворность для творчества экстатического состояния⁴, позволяющего проникать в тайны вселенной, восстанавливать разрушенные связи человека с миром -- все это должно было, по мнению собравшихся на "башне", помочь преодолеть остро ощущаемое человеком XX столетия одиночество, отпадение от природной, космической жизни. По утверждению Бердяева, Лидия Дмитриевна была по сравнению с мужем "более дионисической, бурной, порывистой, революционной по темпераменту, стихийной, вечно толкающей вперед и ввысь" натурой. "Такая женская стихия в соединении с утонченным академизмом Вяч. Иванова ... образовывала талантливую, поэтически претворенную атмосферу общения, никого и ничего из себя не извергавшую и не отталкивавшую"⁵.

Знавшие упоминали о необычайном ее внимании к человеку, о понимании ею того, что человек не только великая ценность, неповторимая и незаменимая, но и святыня. Поражали ее "прямоту и отзывчивость" (Г. Чулков), "мудрая понятливость" (С. Ауслендер), "особый талант общения с людьми" (А. Тыркова). Она умела с одинаковой доброжелательностью выслушивать остроты английского джентльмена, утонченные символистские рассуждения петербургского эстета, горячую несвязную просьбу деревенской бабы. В молодости Зиновьева-Аннибал увлеклась социалистическими учениями, устраивала на квартирах сходки революционеров. Вышла замуж за своего учителя К. Шварсалона, замороженная его пропагандистскими речами. Даже первый свой рассказ написала под влиянием народнических идей. Потом разочаровалась, распрощалась со своими увлечениями... Но умерла, помогая людям: заразилась скарлатиной, ухаживая в Загорье (имение друзей) за заболевшими